

С.А. Русинова

Воспитание как искусство в российской педагогике – к вопросу становления педагогической диагностики

Воспитание отражает культурно–исторический идеал личности конкретного социума и эпохи, требования к которой являются диагностическими показателями соответствия этим представлениям.

Основной целью данной публикации является краткое изложение выявленных источников, которое позволяет представить многообразие методов и приемов воспитания, сложившихся исторически, характеризуя его как искусство развития личности, а не просто требования поведения.

Ключевые слова: воспитание, искусство, российская педагогика, диагностика.

Древней Руси слова «воспитатель» и «воспитание» имели тот же смысл, что и греческие «педагог» и «педагогика» [1].

«Каким образом воспитывались дети у древних славян, известно только в общих чертах, но очевидно, в соответствии с их образом жизни. Но совершенно очевидно, что воспитание детей осуществлялось, в первую очередь, в семье. Особенно существенным было влияние матери. Например, слово “матерый”, означало воспитанный матерью, так на Руси называли человека, достигшего полной зрелости» [2, с. 47]. Есть письменные свидетельства того, что княгиня Ольга (ум. 969 г.) воспитывала сама своего сына Святослава. Участие древнерусской женщины в деле народного просвещения также не подлежит сомнению.

Н.О. Лавровский приводит данные, что жизнь в монастырях Руси не замыкалась только в своих стенах, ограниченная теми, кто в них проживали. Наоборот, монастыри тех времен были центрами образования, например, овладение грамотой для чтения молитв по молитвенникам и пр. Но, конечно, основной их деятельностью было воспитание христианских добродетелей, религиозно-нравственного воспитания («учили чести»), истинной веры и широкое распространение её среди населения [3].

«Пчелы» – сборник изречений IX века византийского происхождения, содержат житейскую мудрость и остроумие, которым так хорошо владел, например, Даниил Заточник. И кроме статей нравственного содержания, заключали в себе также психологические статьи, например: о ярости и гневе, о памяти, о душе, о зависти: являясь главным образовательным средством, они должны были иметь громадное воспитательное значение [2].

Труды К. Туровского, К. Новгородского, В. Мономаха имели жанр «учительской литературы» и содержали тексты воспитательно-наставительного характера. «Поучения Владимира Мономаха» содержат указания: «Больного навестите», «Не пропустиет человека, не поприветсвовав его»; в «Изречениях Ишия и Варнавы», «Получив добро, помни, а сделав – забудь», «Меч губит многих, но не столько, сколько злой язык» [4].

Н.В. Седова приводит данные, что Владимир Мономах считал главным средством воспитания детей – образование, причем успех воспитания зависит не от отдельных наставлений, а от совокупности многообразных воспитательных средств [5]. В «Поучении» тому, человеку надо учиться, написано: «... очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, ... лишаемый – не мсти, ненавидимый – люби, гонимый – терпи, хулимый – молчи, ...» [5, с. 30].

В XI в. педагогическая мысль Руси рассматривалась не как особая область знаний, а как составная часть христианско-этических учений [6, с.51].

Л.Н. Модзалевский приводит следующие данные: «... по взглядам наших древних педагогов, учение не должно иметь целью одно сообщение знаний и умений, но действовать воспитательно в нравственном отношении... Кротость и ласковость обучения, его доступность пониманию ставятся на первом пла-

не, а о лозе, жезле и “сокрушении ребер”, вошедших в обычай в Московской Руси, нет и помину. Телесные наказания, которые еще так недавно составляли вопрос в русской педагогике, нигде не рекомендуется нашими древними пастырями–педагогами» [7, с. 328].

Нашествия монголо–татар (1237–1240) приостановили развитие просвещения на Руси. «Со времени татарского ига быстрое развитие русской школы и воспитания разом останавливается» [7, с. 324].

Воспитанию личности на Руси придавалось большое значение и диагностические методы и средства имели широкое применение. Так, «Патриарх Иерусалимский писал (1694), чтобы учеников каждый воскресный и праздничный день непременно заставляли вступать в ученые споры между собой, чтобы они лучше узнали диалектику; он также желал, чтобы патриарх Московский или сам, или через доверенных людей каждый месяц производил испытание ученикам и убеждался, сколько каждый из них успел в продолжение месяца» [7, с. 341]. «Студенты должны были писать и говорить экспромты и разговаривать между собой непременно на латинском языке. В низших классах до философии были заведены *auditors*, которые прослушивали уроки товарищей и подавали свои *notata* учителю» [7, с. 342].

«Кроме экзаменов, производившихся в июле, успехи учеников старших классов более всего выяснялись на публичных диспутах, происходивших два раза в году: перед Рождеством и перед ваканциями, когда на это дело назначалось целых три дня: первый день для диспута богословского, второй – философского и третий для прочих классов. Диспут открывался пением духовного канта певчими и даже с оркестром; потом посетителям раздавались печатные тезисы или «дедикованные конклюдии; ректор или префект говорили с кафедры *prolusiones*, объяснявшие сущность избранного для состязания вопроса, а в самом диспуте принимали участие студенты – по 2, 3 и 4 на каждой стороне: одни защищали (*defendentes*), другие старались опровергнуть (*impugnantes*); ректор или префект поддерживали ту или другую сторону, если она ослабевала в споре» [7, с. 343].

В России определились условия дворянского воспитания. Их достижения диагностировались: дети в возрасте 7 лет приво–